

## ЯПОНИЯ – РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: НОВОЕ СБЛИЖЕНИЕ?

Дмитрий СТРЕЛЬЦОВ

МГИМО МИД России; ИКСА РАН

**Аннотация:** После окончания холодной войны отношения Южной Кореи и Японии развивались волнообразно: периоды подъемов сменялись спадами. Не составляет исключения и текущая динамика. С приходом к власти администрации Юн Согёля в мае 2022 г. начался дрейф от наблюдавшегося с 2017 г. охлаждения в сторону потепления, которое во многом связано с существенной корректировкой курса Сеула по отношению к Токио. Успехи ракетно-ядерной программы КНДР и военная политика КНР стали побуждать Южную Корею к налаживанию более тесных связей с Японией в области безопасности. Способствовала потеплению отношений и внутривнутриполитическая ситуация в Республике Корея – рост антикитайских настроений, разочарование избирателей в «мягкой» политике на северокорейском направлении, проводившейся предыдущей «прогрессивной» администрацией, а также личные амбиции нового президента. Свою роль сыграла и активная позиция США, которые стремились «помирить» своих союзников и усилить их военно-политическое взаимодействие в рамках треугольника США – Япония – РК. Проанализировав прошедшую в 2023 г. серию саммитов между лидерами Республики Корея и Японии, автор приходит к выводу о том, что два государства отложили свои исторические обиды в сторону и отдали приоритет налаживанию тесного двустороннего и трехстороннего (с участием США) сотрудничества, прежде всего в сферах международной политики и безопасности. Впервые с момента окончания холодной войны Япония и Южная Корея стали активно укреплять свои военные и политические связи не только на анти-северокорейской, но и на антикитайской и антироссийской основах.

**Ключевые слова:** Япония, Южная Корея, проблемы исторического прошлого, принудительный труд корейских рабочих, политический диалог, Юн Согёль, треугольник США – Япония – Южная Корея

---

**Стрельцов Дмитрий Викторович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН.

ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru  
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

**Конфликт интересов.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Благодарность.** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

После окончания холодной войны отношения Японии и Республики Корея привлекают к себе повышенное внимание. Это не только государства-соседи, но и партнеры, имеющие схожие политические системы, а также сопоставимый уровень экономической мощи. Кроме того, Япония и Южная Корея имеют общие интересы в области безопасности и проводят курс в этой сфере на основе военно-политического союза с США.

Вместе с тем, в последние три десятилетия политические отношения Республики Корея и Японии нельзя назвать простыми: в них были периоды как спадов, так и подъемов. Не является исключением и текущая динамика: после наблюдавшегося с 2017 г. охлаждения между двумя государствами намечилось потепление, во многом связанное с существенным изменением курса Сеула по отношению к Токио с приходом к власти администрации Юн Сокёля в мае 2022 г. Цель настоящего исследования – проанализировать факторы качественных сдвигов политики Южной Кореи на японском направлении, проследить развитие отношений двух государств в 2022–2023 гг. и дать оценку их текущему состоянию.

### **Историческая подоплека японо-южнокорейских отношений в постбиполярный период**

Источником хронической напряженности в отношениях Сеула и Токио с момента их нормализации в 1965 г. остаются проблемы исторического прошлого, в первую очередь связанные с японским колониальным господством на Корейском полуострове (1910–1945). С конца 1980-х гг., после перехода Южной Кореи к демократии, в центре дипломатической повестки оказались такие вопросы, как издание в Японии учебников истории, где обеляется политика японского милитаризма в Корею в довоенный период; посещение храма Ясукуни представителями японского истеблишмента; проблемы «женщин для утешения», а также использования принудительного труда корейских рабочих на японских военных предприятиях в годы Второй мировой войны. Получив широкое освещение в южнокорейских СМИ, они стали серьезным препятствием на пути развития стратегических отношений двух государств.

Примечательно, что повышение значимости данных проблем происходило на фоне неуклонного снижения места Японии в шкале южнокорейских дипломатических приоритетов, которое наблюдалось на протяжении всего постбиполярного периода.

После восстановления межгосударственных отношений в 1965 г. ценность сотрудничества Южной Кореи с Японией определялась широкими возможностями последней в качестве источника инвестиций и инноваций. В контексте решения задач модернизации в период холодной войны финансовая и технологическая помощь со стороны экономического гиганта имела для Республики Корея существенное значение.

Необходимо принять во внимание и геополитический аспект. Несмотря на то, что США сохраняли военное присутствие на полуострове, действительность их гарантий вызывала в правящих кругах Республики Корея определенные сомнения хотя бы по географическим причинам (Соединенные Штаты находятся слишком далеко). В контексте общих проблем в области военной безопасности расположенная по соседству Япония воспринималась как естественный партнер и союзник в деле сдерживания КНДР от новых попыток силового объединения страны. Кроме того, в условиях противостояния США и СССР два государства Восточной Азии находились «в одной лодке». Таким образом, после восстановления отношений стратегическое значение Японии как военного и политического союзника оставалось для Южной Кореи достаточно высоким.

Что изменилось с момента окончания холодной войны? С одной стороны, Япония утратила позиции ведущего экономического партнера Южной Кореи в регионе. Торговая зависимость Республики Корея от соседнего государства резко снизилась: например, в 2018 г. его доля в товарообороте страны составила всего 4,8% против 20,7% в 1990 году (Koga, 2023: 66). Особую роль сыграло существенное укрепление технологической самостоятельности РК, для которой японские разработки перестали служить ключевым фактором экономического роста. В результате часть политических элит перестала опасаться нанести «обиду» островному государству, и во внешнеполитическом курсе Сеула усилилась антияпонская компонента.

С другой стороны, существенно возросло значение Китая, ставшего ключевым экономическим партнером Южной Кореи. Так, в 2021 г. на КНР приходилось 26% от общего объема экспорта и 21% от общего объема импорта РК<sup>1</sup>. В первую очередь именно от связей с Китаем, как торговых, так и инвестиционных, стало зависеть благосостояние государства. В результате Республика Корея существенно активнее, чем Япония, проводила курс на вовлечение КНР в экономические интеграционные объединения Юго-Восточной Азии и развитие отношений с ним в рамках этих структур (включая, например, АСЕАН+3). Так, в 2011 г. она выступила с инициативой создания Секретариата трехстороннего сотрудничества РК, Японии и Китая, который не случайно был открыт именно в Сеуле.

Экономическая зависимость от Китая неизбежно оказывала влияние на военную и политическую сферы. Например, под давлением введенных Пекином «неформальных санкций» (приостановка культурного обмена, бойкот южнокорейской продукции и ограничение групповых поездок в РК), эффект от которых оказался достаточно болезненным, Сеул в 2017 г. фактически отказался от размещения на территории государства американских противоракетных комплексов *THAAD*, планировавшегося с 2014 г. под предлогом противодействия потенциальным угрозам со стороны КНДР.

<sup>1</sup> См. *OECD* (n.d.) South Korea (KOR) Exports, Imports and Trade Partners. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/kor?subnatTradeValueSelector=tradeScale0> (accessed 4 April 2023).

Мотивация к активному развитию тесных отношений с Японией была также ослаблена в связи с внутривнутриполитической ситуацией. В доминирующем в 2000–2020-е гг. публичном дискурсе заметно усилились антияпонские настроения. С одной стороны, сошло со сцены старшее поколение корейцев, которые получили образование еще в колониальный период и сохраняли определенную культурную близость с Японией (Кога, 2023: 66), либо провели свою юность при военных диктатурах 1960–1980-х гг., когда критика соседнего государства была приглушена по политическим причинам. На смену им пришло новое поколение избирателей, для привлечения которых стала активно разыгрываться националистическая карта. Рожденных в 1960-е гг. (т.н. поколение 386), чья молодость пришлась на период демократизации страны, характеризуют левые, «прогрессивные», антиамериканские, антияпонские и даже «прокоммунистические» взгляды<sup>2</sup>. Именно они оказались в наибольшей степени подвержены идеям исторического национализма (Kimura 2011: 23).

Выдвижение обвинений против Японии в связи с незакрытыми счетами за колониальное правление оказалось беспроигрышным ходом, позволяющим отвлекать внимание общественности от внутренних проблем и получать дополнительные кредиты доверия среди избирателей. С наступлением эпохи медиакратии существенную роль в политике (и это касается не только изучаемого государства) стал играть популизм, который в южнокорейском варианте приобрел отчетливо выраженный антияпонский привкус. На этом фоне налаживание прочных доверительных отношений с Японией оказалось делом исключительно трудным, если не невозможным.

Появившиеся в Южной Корее в конце 1980-х гг. новые интерпретации событий довоенной истории не только стали источником политических проблем в межгосударственных отношениях, но и стимулировали выдвижение юридических исков ее гражданами, лично пострадавшими от действий японских колониальных властей. Особой критике подверглась «законность» соглашения 1965 г., касающегося урегулирования материальных претензий относительно периода колониального господства. Пак Чжонхи заключил эту сделку с японской стороной, поскольку представляемая им Южная Корея была заинтересована в экономической и технологической помощи со стороны соседнего государства. В соглашении (ст. 2 п. 1) говорилось о том, что *«все проблемы, касающиеся собственности, прав и интересов двух высоких Договаривающихся сторон и их народов... и претензий между Высокими Договаривающимися сторонами и между народами...были урегулированы полностью и окончательно»*<sup>3</sup>. Однако в настоящее время в Республике Корея стали звучать заявления о том, что данное соглашение касалось только государств,

<sup>2</sup> Miyake K. (2023) Kishida's Seoul visit was a positive step – at least in the short term. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2023/05/09/commentary/japan-commentary/south-korea-japan-relations-2/> (accessed 4 April 2023).

<sup>3</sup> UNTC (n.d.) Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8473-English.pdf> (accessed 4 April 2023).

в то время как граждане, не получив компенсаций за свои страдания, все еще имеют право предъявлять юридические иски к Японии (в первую очередь речь идет о «женщинах для утешения» и о корейских рабочих, насильственно мобилизованных на японские военные заводы).

Когда в 2000-е гг. вопрос о компенсациях стал выходить на дипломатическую повестку, в Японии заявили, что указанные вопросы были урегулированы соглашением 1965 г., имеющим международно-правовое оформление и приоритет в отношении внутреннего законодательства. Позиция Токио заключается в том, что гражданам Южной Кореи следует направлять материальные претензии собственному правительству, а не правительству Японии. Однако данный подход вызвал неприятие у правящей элиты РК.

Свою лепту в ухудшение межгосударственных отношений также внес территориальный спор вокруг островов Токто, претензии на которые стала на официальном уровне выдвигать Япония. В 2005 г. при поддержке официального Токио был учрежден День Такэсима, празднование которого оказалось серьезным раздражителем для Южной Кореи.

В результате между Японией и Республикой Корея время от времени возникали новые источники фундаментального недоверия, которые не могли не сказаться на характере двустороннего взаимодействия. Развитие межгосударственных отношений происходило волнообразно – в них были периоды спадов и подъемов. Во многом это связано со сменами администраций в Республике Корея в целом и периодическим приходом к власти националистически настроенных популистов в частности. Особенно острые кризисы в отношениях с Японией наблюдались тогда, когда президентом избирался представитель левоцентристских сил (например, Демократической партии). Когда же администрацию возглавлял консервативно ориентированный политик, становилась заметна тенденция к нормализации. Такие правительства осознавали внешние ограничения антияпонского курса, связанные с наличием общего стратегического союзника (США) и общего противника (в лице Китая и КНДР), и потому склонялись к достижению компромисса, в то время как сменявшие их у власти «прогрессисты» по вопросам взаимодействия с Японией занимали существенно более непримиримую и радикальную позицию. Проводимая последними политика зачастую была основана на отрицании результатов деятельности предшествующих «консервативных» кабинетов, которые стремились к балансированию и недопущению чрезмерных срывов в отношениях с Японией. Впрочем, склонность консерваторов к компромиссам с соседним государством не следует преувеличивать (Дьячков, 2022: 181).

Если посмотреть на историческую динамику двусторонних отношений после 2000 г., то можно заметить, что наиболее ярко охлаждение проявилось при «прогрессивных» администрациях Но Мухёна (2003–2008) и Мун Джэина (2017–2022). Так, в 2017 г. с приходом к власти Демократической партии во главе с Мун Джэином произошло резкое изменение политики Южной Кореи в отношении Японии. Ранее, при консервативном президенте Пак Кынхе (2013–2017), наблюдалось постепенное улучшение двустороннего взаимодействия:

государства развивали стратегическое сотрудничество за пределами Коре́йского полуострова под девизом *«отношения, ориентированные на будущее»*. Особое значение имело заключение 28 декабря 2015 г. соглашения по вопросу *«женщин для утешения»*. Япония не только принесла извинения пострадавшим, но и выразила готовность выделить из государственного бюджета 1 млрд японских иен (около 8,3 млн долл. США) в специальный фонд. В рамках этого соглашения обе стороны заключили, что проблема решена *«окончательно и бесповоротно»* и что впредь они должны *«воздерживаться от обвинений или критики друг друга»* по этому вопросу<sup>4</sup>.

Однако сделка ожидаемо вызвала критику со стороны представителей консервативных сил в обоих государствах. В Японии сочли, что Абэ зашел «слишком далеко», фактически дезавуировав прошлую позицию правительства, которая заключалась в следующем: на основании соглашения 1965 г. официальные японские власти не могут иметь перед Республикой Корея и ее гражданами никаких материальных обязательств. В то же время в Южной Корее широкое распространение получила точка зрения, что соглашение несправедливо, так как перед его принятием было проведено недостаточно мероприятий для учета мнений и интересов жертв.

В 2017 г. к власти пришел «прогрессивный» президент Мун Джэин, и возглавляемая им администрация попыталась дать решению обратный ход. Для изучения всех обстоятельств, связанных с соглашением 2015 г., была создана специальная экспертная группа. В подготовленном ею отчете ставилась под сомнение легитимность документа в связи с недостаточным учетом мнений и интересов пострадавших. В 2018 г. фонд помощи, в который успели поступить японские средства, был распущен, а 8 января 2021 г. суд Южной Кореи постановил, что правительство Японии обязано выплатить по 100 млн корейских вон (91 800 долл. США) каждой из двенадцати жертв, подавших иски. В свою очередь правительство Японии вновь сослалось на Договор о нормализации отношений 1965 г. и отклонило решение, обосновав это еще и тем, что юрисдикция судов Республики Корея не распространяется на территорию Японии.

Новое развитие получила дискуссия о компенсациях пострадавшим от насильственных трудовых мобилизаций. В октябре 2018 г. Верховный суд Республики Корея вынес решение, которое подтвердило право граждан из упомянутой категории подать в суд иски на три японские компании, использовавшие подневольный труд корейских рабочих в период 1910–1945 годов<sup>5</sup>. Официальные лица Японии не согласились с употреблением термина «принудительный труд» и выступили с заявлением, что в соответствии с договором

<sup>4</sup> Ministry of Foreign Affairs of Japan (n.d.). Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. Available at: [https://www.mofa.go.jp/a\\_o/na/kr/page4e\\_000364.html](https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html) (accessed 4 April 2023).

<sup>5</sup> Sang-Hun C. (2018) South Korean Court Orders Mitsubishi of Japan to Pay for Forced Wartime Labor. *The New York Times*, 29 November. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/11/29/world/asia/south-korea-wartime-compensation-japan.html> (accessed 22 February 2024).

1965 г. данный вопрос считается урегулированным полностью и окончательно<sup>6</sup>. Следует отметить, что ранее южнокорейские суды фактически на том же основании блокировали иски частных лиц, соглашаясь с их неправомерностью. Принятие судебного постановления 2018 г. означало качественное изменение этой позиции, поскольку в соответствии с ним Договор 1965 г. полагалось считать политическим соглашением между правительствами, что не исключает права отдельных лиц предъявлять иски о возмещении ущерба. Решение Верховного суда Кореи в 2018 г. обязать две японские фирмы – *Nippon Steel* и *Mitsubishi Heavy Industries* – выплатить каждому из четырех южнокорейских рабочих по 100 млн вон стало новым источником трений в двусторонних отношениях.

В 2018 г. напряженность достигла апогея, когда южнокорейский эсминец навел радар управления огнем на японский патрульный самолет. Разногласия затронули и экономические отношения. В ответ на предполагаемые нарушения санкций ООН в отношении КНДР правительство Японии в июле 2019 г. исключило Республику Корея из «белого списка» стран, имеющих право на преференциальную торговлю, и ввело ограничения на экспорт в соседнее государство ряда химических веществ и комплектующих, в частности, фторированного полиимида и фтористого водорода, которые используются для изготовления полупроводников, а также при производстве экранов для смартфонов и телевизоров. Рестрикции затронули важнейшую область корейской экономики – производство чипов, микросхем и дисплеев. В качестве реакции на эти меры в Южной Корее начал набирать силу бойкот японских товаров; в массовом порядке отменялись поездки в Японию с туристическими целями; в социальных сетях страны появился хэштег *#BoycottJapan*<sup>7</sup>.

В 2019 г. южнокорейской стороной была также предпринята попытка торпедировать вступление в силу соглашения об обмене разведывательной информацией (*General Security of Military Information Agreement, GSOMIA*) с Японией, которое после нескольких лет проволочек было подписано при администрации Пак Кынхе в 2016 г. Только после прямого вмешательства США в ноябре 2019 г. Республика Корея заявила о приостановке процедуры выхода (Лобов, 2020: 98). Таким образом, охлаждение в политических отношениях затронуло и военную сферу, создав серьезное препятствие для развития стратегического сотрудничества двух государств в области безопасности.

<sup>6</sup> AP News (2018) Court orders Japan company to pay 4 Koreans for forced labor. Available at: <https://apnews.com/general-news-474886c44d2c498e94e90c0a8abc5f6d> (accessed 22 February 2024).

<sup>7</sup> Почему разругались Япония и Южная Корея. *РБК*, 10.07.2017. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d234b7f9a79478e89a122ad> (дата обращения: 09.01.2023).

### Новая ситуация в двусторонних отношениях в 2022 г.

Казалось, патовая ситуация в двусторонних отношениях носит необратимый характер, и уже ничто не сможет повернуть негативные тенденции вспять. Тем не менее, приход к власти администрации Юн Сокёля в начале 2022 г. совпал с изменением международно-политического контекста, которое стало значимым фактором нового потепления в японо-южнокорейских связях.

Во-первых, существенно обострилась поляризация региональной и глобальной системы международных отношений, связанная с усилением конфронтации между США и КНР. Рост алармизма в Республике Корея в связи с военной политикой Китая повлек за собой изменение внешнеполитического курса в направлении более тесного сотрудничества с «одинаково мыслящими» демократиями Восточной Азии (в первую очередь с Японией) в сфере безопасности (Истомин, 2023: 209). В период «новой биполярности» Сеул оказался в непростой ситуации: если ранее он успешно действовал в логике стратегического хеджирования, развивая отношения в рамках треугольника США – Япония – Южная Корея и одновременно воздерживаясь от рискованных шагов в отношениях с Пекином, то теперь коридор возможностей для балансирования сузился.

Свою роль сыграла и активная позиция США, которые стремились «помирить» своих союзников и укрепить их военно-политическое сотрудничество в рамках треугольника США – Япония – Южная Корея, принимая во внимание не только «традиционный» контекст сдерживания ядерных амбиций КНДР, но и китайский фактор (Мотявин, 2022: 4).

Во-вторых, к примирению с Японией Республику Корея стал побуждать и украинский кризис как фактор консолидации условного Запада. Помимо прочего, Сеул оказался под влиянием усилившихся спекуляций о том, что в текущей ситуации Китай может предпринять попытку решить тайваньскую проблему силой.

В-третьих, изменению внешнеполитического курса Южной Кореи в направлении более активного взаимодействия с Японией также способствовал фактор КНДР. В контексте критического переосмысления компромиссной политики Мун Джэина в отношении Севера, которая, по мнению населения, закончилась неудачей, в Республике Корея произошло (как это бывало и ранее) ухудшение общественных настроений по отношению к Пхеньяну. Новая администрация не могла не учитывать внутреннюю динамику. На этом фоне Япония – государство, на протяжении многих лет последовательно занимающее анти-северокорейские позиции – стала в большей степени восприниматься как «естественный союзник» в деле сдерживания ракетных и ядерных амбиций КНДР.

Так, большой практический смысл приобрело сотрудничество Республики Корея с Японией в деле обмена информацией в связи с продолжением КНДР запусков ракет из Японского моря в 2022–2023 гг. Для идентификации этих запусков существенное значение имеют данные, полученные японски-

ми кораблями *Aegis*, так как собственные радиолокационные системы Южной Кореи не всегда могут их обнаружить. В свою очередь, радарные сети последней, установленные вблизи демаркационной линии, стали для Токио важным источником сведений о передвижениях северокорейских летательных аппаратов, поскольку в сравнении с японским оборудованием для них существует мало слепых зон, что позволяет с большей эффективностью отслеживать полеты на малых высотах<sup>8</sup>.

Кроме того, качественному изменению стратегии Южной Кореи на японском направлении способствовало усиление антикитайских настроений внутри государства. К 2022 г. они достигли исторического максимума – свою неприязнь к КНР выразили 81% опрошенных. Для сравнения, в 2015 г. аналогичное мнение озвучили только 37% респондентов<sup>9</sup>. Антикитайская волна особенно усилилась после того, как КНР осуществила демонстрацию силы в связи с визитом Н. Пелоси на Тайвань в июле 2022 г, которая повлекла за собой новый всплеск опасений относительно силового сценария решения тайваньской проблемы. Подобные настроения способствовали сближению Южной Кореи с Японией.

Наконец, имела значение и внутривнутриполитическая динамика в Республике Корея. После победы на выборах глава правоконсервативной партии «Сила народа» Юн Согёль, не будучи замеченным в излишних симпатиях к либерализму, получил значительную свободу в вопросах взаимодействия с Японией, не рискуя быть обвиненным в «предательстве национальных интересов».

Что касается Японии, в исторической ретроспективе подобных колебаний внешнеполитического курса на южнокорейском направлении не наблюдалось. Вместе с тем, после ухода Синдзо Абэ с поста премьер-министра в 2020 г. в общественных настроениях стало более заметно проявляться разочарование в его деятельности, направленной на улучшение отношений с соседями (Россией и Республикой Корея): несмотря на реверансы с японской стороны, она так и не увенчалась успехом. В последнем случае особенно остро воспринималось то, что по вине новой администрации Южной Кореи, пришедшей к власти в 2017 г., соглашение 2015 г. было фактически пущено под откос.

Сформированный в 2021 г. кабинет Фумио Кисиды оказался перед непростой дилеммой. С одной стороны, к усилению взаимодействия с Южной Кореей Японию побуждали те же геополитические факторы, что и ее партнера: украинский кризис; «новая биполярность»; наличие угрозы со стороны КНДР, которая стала восприниматься Японией как особенно значимая на фоне увеличения Пхеньяном частоты проведения ракетных испытаний, напрямую

<sup>8</sup> Kosuke T. (2023) Japanese Prime Minister Kishida's Visit to South Korea: 3 Points to Watch. *The Diplomat*, 6 May. Available at: <https://thediplomat.com/2023/05/japanese-prime-minister-kishidas-visit-to-south-korea-3-points-to-watch/> (accessed 24 May 2023).

<sup>9</sup> Eun A.J. (2023) Will Yoon's risky wager on Japan pay off? In: *East Asia Forum*. Available at: <https://eastasiaforum.org/2023/04/06/will-yoons-risky-wager-on-japan-pay-off/> (accessed 10 April 2023).

затрагивающих безопасность государственной территории. Это нашло свое отражение в новой Концепции национальной безопасности, принятой в декабре 2022 г., где впервые было зафиксировано право на обладание наступательными вооружениями (в контексте возможности нанесения превентивных ударов по ракетным базам КНДР). Кроме того, в результате убийства бывшего премьер-министра Синдзо Абэ, противника сближения с соседним государством, у Фумио Кисиды появилось больше пространства для маневра на южнокорейском направлении (Revere, 2022).

С другой стороны, на Фумио Кисиду продолжали оказывать давление представители консервативного крыла. В среде партийной элиты ЛДП, т.е. на высшем политическом уровне, в связи с неудачей предыдущих попыток нормализации к этому моменту сложилось скептическое отношение к налаживанию связей с Южной Кореей. Кроме того, у нового премьер-министра были личные причины не доверять партнеру: именно он как министр иностранных дел готовил соглашение 2015 г. о *«женщинах для утешения»*, которое по инициативе южнокорейской стороны потерпело крах. Более того, выходцу из Хиросимы, «либералу» и «голубю» Кисиде, в отличие от президента Юна, для укрепления своих позиций среди консервативного электората было необходимо проявлять показную жесткость в отстаивании интересов государства на международной арене. Иными словами, Кисида с самого начала был ограничен в дипломатических действиях по сравнению со своим южнокорейским визави. Столкнувшись с сопротивлением правого крыла собственной партии, он не стал проявлять излишней инициативы для реанимирования отношений с Республикой Корея.

Охлаждение интереса Японии к соседнему государству стало заметным сразу после прихода к власти «прогрессистов», т.е. еще в период премьерства Синдзо Абэ. Так, например, с 2017 по 2019 гг. в дипломатических документах Японии Южная Корея больше не рассматривалась как «самая важная страна в Восточной Азии» и определялась просто как «важная соседняя страна». «Важным соседом» Южную Корею называли также премьер-министры Ёсихидэ Суга и Фумио Кисида в 2021 и 2022 годах (Koga, 2023: 67). Несмотря на то, что эта оценка не имела существенного значения в политике государства, само ее наличие свидетельствовало о том, что Япония не стремилась к расширению стратегического двустороннего сотрудничества за пределами проблематики Корейского полуострова.

На этом фоне примечательны предпринятые сверху попытки саботировать даже рутинные мероприятия в рамках дипломатического обмена, которые ранее не вызывали большого интереса у политиков. Например, в ходе организованной Соединенными Штатами в ноябре 2021 г. трехсторонней встречи первый заместитель министра иностранных дел Японии Такэо Мори отказался от участия в совместной пресс-конференции со своим южнокорейским коллегой Чхве Чжон Гоном из-за споров по поводу островов Токто / Такэсима, в результате чего представителю США пришлось предстать перед

журналистами в полном одиночестве<sup>10</sup>. А в июле 2022 г. комитет по иностранным делам ЛДП порекомендовал Кисиде не организовывать двустороннюю встречу на уровне министров иностранных дел, аргументировав свою позицию наличием проблем исторического прошлого с Южной Кореей, а также отправкой последней в июле того же года военных судов в акватории вблизи островов Такэсима / Токто (Koga, 2023: 67).

### Политический диалог Японии и Республики Корея в 2023 г.

На фоне пассивности японской стороны инициативу взяла на себя Южная Корея, у которой по вышеизложенным причинам было больше мотивации к улучшению межгосударственных отношений. Важным фактором стало активное посредничество США, которые на различных площадках стремились к налаживанию трехстороннего сотрудничества, особенно в сфере безопасности.

Начало было положено встречей министров иностранных дел 18 июля 2022 года<sup>11</sup>. Южнокорейская сторона продемонстрировала готовность урегулировать внутри государства наиболее острые проблемы общего прошлого (в частности, вопрос о продаже активов японских компаний, которые были арестованы Верховным судом Южной Кореи, в качестве компенсации жертвам) при сотрудничестве с Японией по этому вопросу до вынесения окончательного вердикта. Тем не менее, конкретного решения тогда принято не было.

Более значимые результаты были достигнуты в 2023 г. в ходе серии саммитов, ознаменовавших собой переход к «челночной дипломатии». Открывающим событием в этом ряду стала поездка Юн Согёля 16–17 марта 2023 г. – первый за 12 лет визит президента Южной Кореи в Японию<sup>12</sup>.

В ходе встреч с премьер-министром Фумио Кисидой южнокорейская сторона выступила с новыми предложениями по решению проблем общего прошлого. Республика Корея решила отказаться от требований о выплате компенсаций жертвам принудительного труда из бюджета Японии, признавая, что вопрос об ответственности государства был урегулирован Соглашением о претензиях, достигнутым во время нормализации дипломатических отношений в 1965 году<sup>13</sup>. Взамен Сеул предложил использовать для этих целей

<sup>10</sup> Yeo A., Solis M. and Foreman H. (2023) America's Window of Opportunity in Asia. *Foreign Affairs*, 15 August. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/americas-window-opportunity-asia> (accessed 23 August 2023).

<sup>11</sup> Smith J. (2022) South Korea, Japan foreign ministers meet to tackle historical disputes. *Reuters*, 18 July. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skoreas-foreign-minister-flies-japan-talks-historical-disputes-2022-07-18/> (accessed 4 April 2023).

<sup>12</sup> *Office of the President* (n.d.) Visits. 2023. 3. Japan. Available at: <https://eng.president.go.kr/visits> (accessed 4 April 2023).

<sup>13</sup> Rich M. and Sang-Hun C. (2023) Japan and South Korea Make Nice, but Can It Last? *The New York Times*, 17 March. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/03/17/world/asia/japn-south-korea-relations.html> (accessed 23 April 2023).

учрежденный в РК специальный фонд, пополняемый за счет взносов сталелитейной компании POSCO и других южнокорейских фирм, которые в свое время пользовались японскими кредитами. Кроме того, южнокорейская сторона настаивала на том, чтобы *Nippon Steel* и *Mitsubishi Heavy Industries*, ставшие объектом исков пострадавших, также внесли добровольные пожертвования в фонд. Расчет был на то, что в результате применения такой схемы любые претензии потерпевших к Японии будут улажены.

Находясь в Японии, президент Юн приложил серьезные усилия, чтобы «продать» свой сценарий примирения. Для этого он даже встретился с представителями консервативного крыла ЛДП Т. Асо и Ё. Сугой. Однако расчет не оправдался: на совместной пресс-конференции Кисида так и не выразил четкую позицию по вопросам исторического прошлого.

Реакция Фумио Кисиды на инициативы Юна вызвала в Южной Корее критику «новой японской дипломатии» президента. Почти 56% опрошенных граждан назвали поездку первого лица в Токио «дипломатией унижения»<sup>14</sup>. С обвинениями выступила оппозиционная Демократическая партия, организовавшая громкие и несколько ритуализированные публичные акции протеста. Особое негодование общественности вызвало то, что японский премьер-министр не произнес никаких слов извинения за использование принудительного труда корейских рабочих в военное время. Опросы показали, что большинство граждан Южной Кореи хотели бы, чтобы японские компании принесли извинения и выплатили компенсации. Что касается пострадавших, то они отвергли план Юна и снова подали иски в суд. В числе прочего их спровоцировало то, что президент, как выяснилось, оказывал давление на суды с тем, чтобы они отменили свое решение против японских предприятий, использовавших принудительный труд<sup>15</sup>.

Вместе с тем, визит можно считать индикатором продолжения позитивной динамики в отношениях. Стороны вернулись к практическому сотрудничеству в рамках соглашения по глобальному обмену военной информацией (GSOMIA). Были достигнуты договоренности об окончании «торговой войны»: Япония сняла экспортные ограничения и запустила процесс возвращения соседнего государства в «белый список» привилегированных партнеров, тогда как Южная Корея отозвала жалобу, поданную в ВТО (Асмолов, 2023).

В сложившихся условиях лидер Японии без промедлений решился на ответный визит в Сеул. На это повлияло сразу несколько факторов.

Во-первых, Фумио Кисида пригласил президента Юна в Хиросиму на предстоящий 19 мая саммит G7. Без ответного визита он вряд ли мог рассчитывать на вторую подряд поездку лидера Южной Кореи в Японию даже для

<sup>14</sup> Rich M. and Sang-Hun C. (2023) Japan and South Korea Make Nice, but Can It Last? *The New York Times*, 17 March. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/03/17/world/asia/japn-south-korea-relations.html> (accessed 23 April 2023).

<sup>15</sup> Eun A.J. (2023) Will Yoon's risky wager on Japan pay off? In: *East Asia Forum*. Available at: <https://eastasiaforum.org/2023/04/06/will-yoons-risky-wager-on-japan-pay-off/> (accessed 10 April 2023).

участия в международном форуме, в то время как премьер-министр, будучи председателем «Группы семи», был заинтересован в максимально широком привлечении представителей «одинаково мыслящих» государств, в числе которых Южная Корея занимала не последнее место.

Во-вторых, премьер-министр стремился избежать упреков в том, что кризисная ситуация в двусторонних отношениях беспокоит только президента Южной Кореи. Для Кисиды, специалиста по международным делам, внешнеполитические инициативы являются важнейшим внутриполитическим ресурсом, особенно в условиях невыразительной ситуации в социально-экономической сфере.

В-третьих, данный визит рассматривался как значимое событие в контексте развития отношений в треугольнике США – РК – Япония. Фумио Кисида хотел узнать непосредственно от Юна, что он думает о встрече с Байденом, состоявшейся в конце апреля. Особенно лидера Японии интересовала тема взаимодействия Южной Кореи и США в военной области – чтобы быть готовым к обсуждению вопросов сотрудничества в рамках треугольника на полях саммита G7.

И наконец, в Японии, как и в Южной Корее, тревогу вызывало ухудшение ситуации в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии. В 1983 г. премьер-министр Ясухиро Накасонэ нанес визит в Сеул для налаживания взаимодействия в контексте противостояния Советскому союзу в условиях практически полной заморозки политического диалога между двумя государствами. В свою очередь, Фумио Кисида, принимая во внимание угрозы со стороны КНР и КНДР, предпринял подобный шаг, несмотря на проблемы в двусторонних отношениях. При этом особое значение имела активная позиция США – не случайно во время апрельской встречи с Юн Согёлем Дж. Байден поблагодарил его за ведение *«отважной, мотивированной дипломатии с Японией»*<sup>16</sup>.

Поездка Фумио Кисиды в Сеул состоялась 7 мая. Визит носил символический характер, и никто не ожидал от него каких-либо впечатляющих результатов, однако некоторые аспекты были довольно значимы.

Прежде всего, определенная интрига состояла в том, будет ли по итогам визита опубликована совместная декларация. В результате никакого документа принято не было, во многом из-за нежелания японской стороны. Однако, по мнению некоторых обозревателей, на пресс-конференции двух лидеров, где были зачитаны заранее подготовленные тексты, фактически прозвучало подобное «совместное заявление».

Второй вопрос заключался в том, принесет ли Кисида извинения перед Южной Кореей в связи с проблемами общего прошлого. В конечном счете из его уст прозвучало лишь согласие следовать декларации 1998 г. о партнер-

<sup>16</sup> Sang-Hun C. and Rich M. (2023) Leaders of Japan and South Korea Vow to Deepen Ties. *The New York Times*, 7 May. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/05/07/world/asia/south-korea-japan-summit-apology.html> (accessed 23 February 2024).

стве, подписанной премьер-министром Японии Кэйдзо Обути и президентом Южной Кореи Ким Дэджун<sup>17</sup>. Фумио Кисида ограничился подтверждением приверженности заявлениям своих предшественников и сказал только, что у него «защемило сердце» при мысли о страданиях корейцев в период колониального прошлого<sup>18</sup>. Отсутствие ясных и прямых извинений с японской стороны вызвало у южнокорейской общественности чувство глубокого разочарования.

В-третьих, в обоих государствах задавались вопросом о том, насколько масштабными будут протесты в Южной Корее в связи с визитом Фумио Кисиды. В итоге противниками сближения с Японией был организован небольшой митинг. Стоит отметить, что примерно сопоставимая по числу участников акция была организована в поддержку приезда японского лидера. Таким образом, большого публичного резонанса как в негативном, так и в позитивном ключе визит не получил.

Многих также волновало, будет ли проведена встреча депутатов от оппозиционных сил Республики Корея с Фумио Кисидой, или же они будут ее бойкотировать. Тем не менее, премьер-министр Японии встретился с официальными лицами южнокорейско-японской парламентской лиги, в которую входил один из лидеров оппозиционной партии<sup>19</sup>. Иными словами, опасения по поводу «срыва» визита или «скандалов» вокруг него оказались либо необоснованными, либо преувеличенными.

Еще одним значимым событием в период потепления стал трехсторонний саммит США, Японии и Республики Корея, который состоялся 18 августа 2023 г. в Вашингтоне. Лидеры трех государств выразили намерение проводить консультации в ответ на общие вызовы, признав тем самым взаимосвязанность вопросов безопасности в регионе и своих национальных интересов. Кроме того, в совместном заявлении, опубликованном после завершения встречи, сообщалось о создании трехсторонней горячей линии и о принятии взаимных обязательств проводить ежегодные военные учения, а также обмениваться разведданными. Как и ожидалось, по итогам саммита не было заключено трехстороннее соглашение о коллективной обороне – в основе политики безопасности Республики Корея и Японии по-прежнему лежат двусторонние договоры, подписанные США с обоими государствами.

<sup>17</sup> Kosuke T. (2023) Japanese Prime Minister Kishida's Visit to South Korea: 3 Points to Watch. *The Diplomat*, 6 May. Available at: <https://thediplomat.com/2023/05/japanese-prime-minister-kishidas-visit-to-south-korea-3-points-to-watch/> (accessed 24 May 2023)

<sup>18</sup> Sang-Hun C. and Rich M. (2023) Leaders of Japan and South Korea Vow to Deepen Ties. *The New York Times*, 7 May. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/05/07/world/asia/south-korea-japan-summit-apology.html> (accessed 23 February 2023).

<sup>19</sup> Miyake K. (2023) Kishida's Seoul visit was a positive step – at least in the short term. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2023/05/09/commentary/japan-commentary/south-korea-japan-relations-2/> (accessed 23 May 2023).

С точки зрения отношений между Южной Кореей и Японией, по мнению американского эксперта Э. Ким, большое значение саммита заключалось в том, что лидеры двух государств пришли к договоренности о координации политики по противодействию региональным вызовам и угрозам. Как отмечает Э. Ким, обязательство проводить консультации является беспрецедентным с учетом неразрешенных исторических и территориальных споров между Южной Кореей и Японией (Cha et al., 2023). Таким образом, укрепление трехстороннего партнерства, активная позиция Юн Согёля по перезагрузке отношений с Токио, а также обновление курса Японии в области безопасности и национальной обороны стали теми факторами, которые позволили преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия на пути установления взаимного политического партнерства.

### **Заключение**

Тренд на сближение Японии и Южной Кореи, наблюдаемый в 2022–2023 гг., не является чем-то новым. Это далеко не первый случай, когда оба государства отложили исторические обиды в сторону и отдали приоритет налаживанию двустороннего и трехстороннего (с участием США) сотрудничества, прежде всего в сферах международной политики и безопасности. Как и прежде, особую роль в этом процессе играют США, будучи локомотивом усиления взаимодействия в треугольнике Вашингтон – Токио – Сеул, в рамках которого отношения Республики Корея и Японии обретают новое дыхание. Это особенно наглядно проявилось в процессе подготовки и проведения трехстороннего саммита в августе 2023 г., на котором Соединенные Штаты не только выступили в роли хозяина, но и предложили повестку, стимулирующую развитие сотрудничества между их важнейшими партнерами в Восточной Азии.

Тенденция к сближению двух государств проявилась на фоне резкого усиления международной напряженности как на глобальном, так и на региональном уровнях, связанной прежде всего с формированием «новой биполярности». Уникальность ситуации заключается в том, что впервые с момента окончания холодной войны Япония и Южная Корея стали активно укреплять военные и политические связи, в том числе на высшем уровне, не только на анти-северокорейской, но и на антикитайской и антироссийской основах, тогда как ранее взаимодействие в области безопасности было обусловлено главным образом общей обеспокоенностью относительно угрозы со стороны КНДР.

При этом в отличие от периода холодной войны, когда в состоянии заморозки находились не только политические отношения двух государств, но и сотрудничество в области безопасности, теперь общий знаменатель двустороннего взаимодействия ни у кого не вызывает сомнений.

Беспрецедентный характер этого сближения связан также с тем, что инициативу взял на себя президент Южной Кореи, который рискнул идти против общественного мнения и значительной части политического истеблишмента собственного государства, а также с тем, что в текущих условиях Сеул в гораздо меньшей степени обеспокоен экономическими последствиями из-за усиления конфликтности в отношениях с Китаем.

### Список литературы

1. Асмолов К. О визите Фумио Кисиды в Южную Корею. *Новое восточное обозрение*, 26.05.2023. Available at: <https://journal-neo.su/ru/2023/05/26/o-vizite-fumio-kisidy-v-yuzhnuyu-koreyu/> (дата обращения: 09.01.2023).
2. Дьячков И.В. (2022) Южнокорейская «Политика памяти» в отношении Японии: цели, задачи, инструменты. *Современные проблемы Корейского полуострова [сборник статей]*. Под ред. А.З. Жебина и А.Л. Поленовой. М.: Институт Китая и современной Азии РАН. С. 175–185.
3. Истомин И.А. (2023) Вашингтон–Сеул–Токио в доктрине Байдена. *Россия в глобальной политике* 21(3): 208–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212.
4. Лобов Р.Н. (2020) О политических аспектах «торговой войны» между Республикой Корея и Японией. *Уральское востоковедение* (10): 92–100.
5. Мотявин М.М. (2022) Альянс США – Япония – Республика Корея как часть Индо-Тихоокеанской стратегии администрации Джо Байдена. *Россия и Америка в XXI веке* (5): 1–13. DOI: 10.18254/S207054760022725-4.
6. Cha V., Johnstone C.B., Kim E., et al. (2023) The Camp David U.S.-Japan-Korea Trilateral Summit: An Exchange among CSIS Japan and Korea Chairs. Epub ahead of print 23 August 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/camp-david-us-japan-korea-trilateral-summit-exchange-among-csis-japan-and-korea-chairs> (accessed 23 August 2023).
7. Kimura K. (2011) Why Are the Issues of "Historical Perceptions" between Japan and South Korea Persisting? *Journal of International Cooperation Studies* 19(1): 1–27. Available at: [https://www.research.kobe-u.ac.jp/gsis-publication/jics/kimura\\_19-1.pdf](https://www.research.kobe-u.ac.jp/gsis-publication/jics/kimura_19-1.pdf) (accessed 4 April 2023).
8. Koga K. (2023) Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific/ *Asian Politics and Policy* 15(1): 63–82. DOI: 10.1111/aspp.12679.
9. Revere E.J.R. (2022) U.S.-Japan-ROK Trilateral Cooperation: An Opportunity for Renewal. In: *The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Available at: <https://www.nbr.org/publication/u-s-japan-rok-trilateral-cooperation-an-opportunity-for-renewal/> (accessed 4 April 2023).
10. Yeo A., Solís M. and Foreman H. (2023) America's Window of Opportunity in Asia. *Foreign Affairs*, 15 August. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/americas-window-opportunity-asia> (accessed 24 February 2024).

## JAPAN – REPUBLIC OF KOREA: A NEW RAPPROCHEMENT?

Dr **Dmitry V. STRELTSOV** – Head, Department of Asian and African Studies, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7177-2831. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru  
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 7, 2023

Accepted June 11, 2023

**Acknowledgements:** This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00109).

**Abstract:** Since the end of the Cold War the relations between South Korea and Japan have developed in a non-linear manner. The most recent period is no exception. Following the cooling, witnessed since 2017, there has been a warming between the two countries, largely due to a qualitative change in Seoul's policy towards Tokyo when Yoon Suk Yeol's administration came to power in May 2022. The advances in the DPRK's nuclear missile program as well as China's assertive military policy began to push South Korea towards closer security cooperation with Japan. The internal political dynamics in the Republic of Korea, including the growth of anti-Chinese sentiment, the disappointment with the 'soft' policy towards the DPRK pursued by the previous 'progressive' administration, as well as the personal ambitions of the new president contributed to the warming of relations with Japan. Washington's activity also played a role, as it tried to 'reconcile' its allies and intensify their military and political cooperation within the US – Japan – South Korea triangle. Analyzing the series of summits held in 2023 between the leaders of the Republic of Korea and Japan, the author comes to conclusion that the two states put their historical grievances aside and gave priority to establishing close bilateral and trilateral (including the United States) cooperation, primarily in the fields of international politics and security. For the first time since the end of the Cold War, Japan and South Korea began to actively strengthen their military and political ties, not only on the anti-North Korean, but also on the anti-Chinese and the anti-Russian basis.

**Keywords:** Japan, South Korea, problems of the historical past, forced labor of Korean workers, political dialogue, Yoon Suk Yeol, USA – Japan – South Korea triangle

### References:

1. Asmolov K. O vizite Fumio Kisidy v Iuzhnuu Koreiu [On Fumio Kishida's visit to South Korea]. *Novoe vostochnoe obozrenie* [New Eastern Outlook], 26.05.2023. Available at: <https://journal-neo.su/ru/2023/05/26/o-vizite-fumio-kisidy-v-yuzhnyu-koreyu/> (accessed 9 January 2023). (In Russian).
2. Cha V., Johnstone C.B., Kim E., et al. (2023) The Camp David U.S.-Japan-Korea Trilateral Summit: An Exchange among CSIS Japan and Korea Chairs. Epub ahead of print 23 August 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/camp-david-us-japan-korea-trilateral-summit-exchange-among-csis-japan-and-korea-chairs> (accessed 23 August 2023).

3. Dyachkov I.V. (2022) Juzhnokorejskaja «Politika pamjati» v otnoshenii Japonii: celi, zadachi, instrumenty [South Korean "Memory Policy" visavis Japan: goals and means]. In: *Sovremennye problemy Korejskogo poluostrova* [Modern problems of the Korean Peninsula]. Ed.: A.Z. Zhebin, A.L. Polenova. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, pp. 175–185. (In Russian).
4. Istomin I.A. (2023) Vashington–Seul–Tokio v doktrine Baidena [Washington–Seoul–Tokyo Triangle in the Biden Doctrine]. *Rossija v global'noi politike* [Russia in Global Affairs] 21(3): 208–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-208-212. (In Russian).
5. Kimura K. (2011) Why Are the Issues of "Historical Perceptions" between Japan and South Korea Persisting? *Journal of International Cooperation Studies* 19(1): 1–27. Available at: [https://www.research.kobe-u.ac.jp/gsics-publication/jics/kimura\\_19-1.pdf](https://www.research.kobe-u.ac.jp/gsics-publication/jics/kimura_19-1.pdf) (accessed 4 April 2023).
6. Koga K. (2023) Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific/ *Asian Politics and Policy* 15(1): 63–82. DOI: 10.1111/aspp.12679.
7. Lobov R.N. (2020) O politicheskikh aspektakh «torgovoi voyny» mezhdru Respublikoi Koreia i Iaponiei ["Trade war" between the Republic of Korea and Japan: political aspect]. *Ural'skoe vostokovedenie* [Ural Survey of Oriental Studies] (10): 92–100. (In Russian).
8. Motyavin M.M. (2022) Al'ians SSHA – Iaponiia – Respublika Koreia kak chast' Indo-Tikhookeanskoi strategii administratsii Dzhо Baidena [The U.S. – Japan – Republic of Korea Alliance as part of the Joe Biden Administration's Indo-Pacific Strategy]. *Rossija i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century] (5): 1–13. DOI: 10.18254/S207054760022725-4. (In Russian).
9. Revere E.J.R. (2022) U.S.–Japan–ROK Trilateral Cooperation: An Opportunity for Renewal. In: *The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Available at: <https://www.nbr.org/publication/u-s-japan-rok-trilateral-cooperation-an-opportunity-for-renewal/> (accessed 4 April 2023).
10. Yeo A., Solis M. and Foreman H. (2023) America's Window of Opportunity in Asia. *Foreign Affairs*, 15 August. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/americas-window-opportunity-asia> (accessed 24 February 2024).